

ИВАН БУНИН И ВОСТОЧНАЯ МИСТИКА*

Марзие Яхьяпур

Джанолах Карими-Мотаххар

Тегеранский университет,
Тегеран, Иран

IVAN BUNIN AND EASTERN MYSTICISM

Marziah Yahyapour

Janolah Karimi-Motahhar

University of Tehran,
Tehran, Iran

The influence of ideas of Eastern mysticism is manifested in Ivan Bunin's understanding of the artistic path as spiritual ascent. This article analyses Bunin's short stories *The Death of the Prophet* and *The Stone* based on the combination of times and spaces. The artistic specificity of these stories is determined by the presence of Biblical and Quranic motifs, as well as Saadi's philosophical and parable texts. The article contains surahs of the Quran and fragments of Saadi's poems, which make it possible to clarify the figurative genesis of Bunin's stories characterised by a high artistic simplicity, brevity, and philosophical depth. The eastern imagery of the stories receives lyrical development in the poems *Abraham*, *Law*, *Muhammad and Safiya*, and others. It is noted that in *The Death of the Prophet*, the writer creates a typical image of a sage following the mystical path of spiritual improvement. Qur'anic influence is confirmed by the use of Bismillah in *The Death of the Prophet* and in the poem *Law*, i. e. the testimony that reveals 113 surahs of the Quran: *In the name of God, Most Gracious, Most Merciful*. The authors pay special attention to the presence in *The Death of the Prophet* of *Shahadatain*, the formula of conversion to Islam containing the confession of the testimonies of Islam. Depicting the "other" eastern world, Bunin focuses on cultural, moral, and historical issues. In the work of the writer, emphasis is placed on the unity of the Abrahamic religions of Judaism, Christianity, and Islam. In Bunin's orientalism, the distant world is portrayed

---

* Citation: Yahyapour, M., Karimi-Motahhar, J. (2021). Ivan Bunin and Eastern Mysticism. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 2. P. 533–546. DOI 10.15826/qr.2021.2.594.

Цитирование: Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж. Иван Бунин и восточная мистика // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 2. P. 533–546. DOI 10.15826/qr.2021.2.594 / Яхьяпур М., Карими-Мотаххар Дж. Иван Бунин и восточная мистика // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 2. С. 533–546. DOI 10.15826/qr.2021.2.594.

as spiritualised and light. It is concluded that for the writer, the main thing is to “survey the Beauty of the World”, to see the “combination of the beautiful and the eternal”, to know what the “truth” is, and, finally, to complete the mystical path.

Keywords: I. Bunin, Saadi, east, Quran, evidence of Islam, eastern mysticism

Влияние идей восточного мистицизма проявляется у И. Бунина в понимании творческого пути как духовного восхождения. В статье анализируются рассказы Бунина «Смерть пророка» и «Камень», в основу которых положено совмещение времен и пространств. Художественная специфика этих рассказов определяется присутствием библейских и коранических мотивов, а также философско-притчевых текстов Саади. Авторы приводят суры Корана и фрагменты поэм Саади, позволяющие прояснить образный генезис рассказов Бунина, отличающихся высокой художественной простотой, лаконичностью и философской глубиной. Восточная образность рассказов получает лирическую разработку в стихотворениях «Авраам», «Закон», «Магомет и Сафия» и др. Отмечается, что в рассказе «Смерть пророка» писатель создает типический образ мудреца, идущего мистическим путем духовного совершенствования. Подтверждением коранического влияния является использование в рассказе «Смерть пророка» и в стихотворении «Закон» бисмилля, то есть свидетельства, открывающего 113 сур Корана: «Во имя Бога милостивого, милосердного». Особо отмечено присутствие в рассказе «Смерть пророка» формулы обращения в ислам «Шахадатейн», содержащей исповедание свидетельств ислама. Рисуя картины чужого восточного мира, Бунин сосредоточен на культурных, нравственных и исторических вопросах с акцентом на единстве авраамических религий иудаизма, христианства и ислама. Далекий мир изображается в ориенталистике Бунина как родственный, одухотворенный и светлый. Главное для него – «обозреть Красоту Мира», увидеть «сочетанья прекрасного и вечного», познать, в чем «истина», и в конце концов совершить мистический путь.

Ключевые слова: И. Бунин, Саади, Восток, Коран, свидетельства ислама, восточная мистика

Творческие связи русских поэтов и писателей с Востоком могут обосновываться происхождением писателя, местом его проживания, общением с восточными народами, знакомством с восточной культурой и литературой. Другие формы связи – это знакомство с восточными народами, а также проживание на Востоке или же путешествие по этому региону.

Приверженность к познанию мира и стран Востока через путешествия существенна для биографии Ивана Бунина, их роль он сам отмечал:

Что касается вообще странствий, то у меня сложилась... даже некоторая философия. Я не знаю ничего лучше путешествий; путешествия

играли в моей жизни огромную роль; я, как сказал Саади, «стремился обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей» [Бунин 1987–1988, т. 3, с. 594].

По определению Бунина, поводы для путешествий были самые разнообразные: «Меня занимали вопросы психологические, религиозные, философские, нравственные, исторические» [Там же]. Он побывал в Палестине, Ливане, Сирии, Египте, Турции, Алжире, Тунисе и других странах.

Как и Пушкина, вслед за высказыванием Ф. Достоевского Бунина можно назвать поэтом «всемирной отзывчивости». Бунин всегда старается понять мировоззрение и психологию других народов:

Жизнь моя – трепетное и радостное причастие вечному и временно-му, близкому и далекому, всем векам и странам, жизни всего бывшего и сущего на этой земле, столь любимой мною [Там же, с. 656].

А. Бабореко в примечаниях к книге В. Муромцевой отмечал: «Многое Бунин брал для прозы и стихов из русского и мирового фольклора – его внимание привлекали буддийские и мусульманские легенды, сирийские предания, халдейские, египетские и мифы огнепоклонников Древнего Востока, легенды арабов» [цит. по: Муромцева-Бунина, с. 13].

Еще до своей поездки на Восток Бунин был знаком с его религиозными и литературными шедеврами: со священным Кораном, «Голестаном/Гулистаном» и «Тезкиратом» шейха Саади. Он отмечал: «Готовясь к поездке по Ближнему Востоку, изучал Библию и Коран» [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 594].

В творчестве Бунина богатая история и культура Востока играют ключевую таинственную мистическую роль. Во время путешествий по Востоку, по воспоминаниям Веры Муромцевой, он взял с собою Коран и «Тезкират» шейха Саади:

...Ислам вошел в его душу. <...> Он в первый раз целиком прочел Коран, который очаровал его... <...> Он взял с собою книгу персидского поэта Саади «Тезкират», он всегда, когда отправлялся на Восток, возил ее с собой. Он высоко ценил этого поэта, мудреца и путешественника, «усладительного из писателей»... <...> Бунину было в эту весну 32 года, и он мечтал пойти по следам Саади [Муромцева-Бунина, с. 225–226].

По словам В. А. Котельникова, «поэты рубежа столетий и первой половины XIX в. творчески преодолевали дистанцию между двумя этнокультурными и этноконфессиональными мирами и в ряде произведений то в форме стилизаций, то с использованием мотивов и реалий жизни ближневосточных народов разрабатывали тему в разных жанрах» [Котельников, с. 30]. В равной мере эти слова могут быть отнесены и к творчеству И. Бунина.

Творчество Саади привлекало своей искренностью в понимании человека. И. С. Брагинский так пишет о поэзии Саади: «Философско-дидактическая поэзия и является уделом Саади. В центре его внимания – *высоко нравственная доброжелательная личность*. Пишет ли он касыды, лирические газели, сборники притч и назиданий – он имеет всегда в виду одно – изобразить свой идеал: человека душевной красоты (курсив И. С. Брагинского)» [Брагинский, с. 207]. В. А. Котельников считает, что «реальное познавательное освоение Ближнего Востока началось с паломническим движением на Святую землю, которое, естественно, проходило через разные ближневосточные земли и оставило следы в путевых записках и воспоминаниях» [Котельников, с. 13].

Каковы же восприятие и оценка И. Буниным ирано-исламской культуры и Востока в целом?

Восток, и в частности иранский мир, для Бунина не были чужими. Он, подобно величайшему иранскому поэту Саади, обозревал мир в поисках смысла бытия: «Поиски ответов на вечные и всечеловеческие вопросы о смысле бытия, о назначении человека, о взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего, о смысле истории, о причинах расцвета и гибели цивилизаций, размышления о верованиях и устремлениях народов к правде, добру и красоте и одновременно неистощимая жажда увидеть самому бесконечное разнообразие мира – все это питало воображение художника, его мысль и слово» [Бабореко, с. 594]. В восточных произведениях писателя отражены живые неизгладимые впечатления от этих путешествий-странствий. Ю. И. Айхенвальд подчеркивает, что Бунин с восторгом описывает таинственную красоту Востока: «Для Востока, библейского и современного, умеет Бунин находить соответственный стиль, торжественный и порою как бы залитый знойными волнами солнца, украшенный драгоценными инкрустациями и арабесками образности» [Айхенвальд, с. 119].

Ощутимое влияние на творчество Бунина оказала мистика Востока. Хотя исламский мистицизм на ранних стадиях своего развития сочетал аскетизм с исполненным благоговения страхом, со временем его доктрина стала ассоциироваться с высокой и пламенной любовью. История персидского мистицизма и мистической литературы свидетельствует о постоянном присутствии идеи любви. Теория хорасанской школы романтического мистицизма выстраивается на трех основных элементах: любовь, влюбленный (любящий) и возлюбленный (любимый). Конечная цель мистицизма – достижение возлюбленного как возвышения души.

«Мистики суммируют секрет творения и секрет существования в слове “любовь” и рассматривают любовь как основу творения и существования» [1112. 1112. ص. 1112].¹ Одним из выражений ирано-исламского мистицизма является осознание истины и единства Бога. Если познания не происходит, настоящая любовь и привязанность

¹ Здесь и далее перевод с фарси Марзие Яхьяпур.

не будут достигнуты, и чем более возрастают знания, тем сильнее становится любовь. Явление любви неопишимо и непостижимо. Согласно Фараби, мистическая любовь – это «божественная сущность в людях, очистившихся от материи... они постигают чистое добро и устремляются к нему. В это время световой луч добра охватывает человека, и он соединяется с этим светом и чувствует удовольствие, равного которому нет» [468. ص. صليبا].

Мистические мотивы присутствуют в стихах иранских поэтов Саади Газневи, Аттара, Руми, Саади и Хафиза. Саади совершил множество мирских путешествий, чтобы в познании Бога и человека постичь сущность божественной любви. В его произведениях нередки мистические и суфийские слова и выражения, такие как «наставник», «Симаа» («музыка мира»), «мистицизм», «башня Маана» («созерцание»), «состояние души», «искатель», «совершенство», «экстаз» и т. д.

Саади очарован красотой и, подобно другим персидским поэтам-мистикам, отношения между миром и Богом в его художественном мире определяются ею. По мнению поэта, каждое явление мироздания прекрасно, потому что сам Творец всеведущ и красив:

Я влюблен в целый мир, потому что весь мир от Него.
Мне весело от мира, потому что всему миру весело от Него
[577. ص. سعدي، 1385].

Саади – мистик, и его любовь к миру чиста и духовна. Он влюблен в человека и творение. Согласно его взглядам, «Дети Адама – это части целого, / созданные из единого субстрата» [61. ص. باب اول، 1376. سعدي].

Одна из основ мистицизма, который является проявлением человеческой любви и привязанности к Богу, это любовь к людям. Мистик в исламской культуре – это человек, любовь которого связана с Богом, с одной стороны, и с Божьим творением, с другой. Причины этой любви укоренены в исламе. Жить с людьми и знать боль людей как свою собственную – это важнейшие характеристики божественных святых и непогрешимых (мир им).

Бунин-мыслитель внимателен к доктринам восточного мистицизма. В рассказах «Тень птицы», «Камень», «Смерть пророка» отмечаются разработка философской проблематики восточной мистики, обилие мотивов, образов, цитат из Корана и поэзии Саади. Бунин-художник воспроизводит некоторые непереводаемые на русский язык слова, имеющие восточный религиозный колорит, например: «Элиф. Лам. Мим», Маана, Симаа, Мекам, Хумай и др.

Рассказ «Тень птицы» оканчивается отрывками из «Бустана» шейха Саади, чье имя упоминается в нем восемь раз. В этом произведении говорится о том, что человек не понимает Вселенную, несмотря на знамения и божественные откровения. Бунин цитирует слова из «Бустана» Саади, «употребившего жизнь свою на то, чтобы обозреть Красоту Мира»:

Ты, который некогда пройдешь по могиле поэта, вспомяни поэта добрым словом! – Он отдал сердце земле, хотя и кружился по свету, как ветер, который после смерти поэта разнес по вселенной благоухание цветника его сердца. – Ибо он всходил на башни Маана, Созерцания, и слышал Симаа, Музыку Мира, влекшую в халет, веселие. – Целый мир полон этим веселием, танцем – ужели одни мы не чувствуем его вина? – Хмельной верблюд легче несет свой выюк. Он при звуках арабской песни приходит в восторг. Как же назвать человека, не чувствующего этого восторга? – Он осел, сухое полено [Бунин, 1987–1988, с. 516].

В восточных рассказах Бунина нет пространственно-временных ограничений. Прошлое, настоящее и будущее одновременно предстают перед внутренним взором читателя. В рассказе «Смерть пророка» (сюжет взят из Библии) многократно исполняются стихи из Корана и выражения из «Голестана» шейха Саади, и сам рассказ является подражанием его проповедям. Бунинский шедевр, как и «Голестан», отличается высокой простотой, лаконичностью и философской насыщенностью. Его страницы ведут нас к истине о том, что «Сень... Творца существует от века», что «Бог сотворил нас смертными, но есть и бессмертие души...». Бунинская трактовка бессмертия задана установками Корана, хотя сам писатель исповедует христианство. Творец мира предстает у писателя воплощенной Красотой. В «Смерти пророка» читатель не замечает временного сдвига, когда автор, повествуя о библейском пророке, постепенно переходит к сурам Корана и заканчивает рассказ отрывком из «Голестана» шейха Саади. Это достигается особым мелодичным складом бунинского слога, ибо речь идет об одних и тех же сакральных вещах – о преодолении страха смерти и райском восторге приближения к Вечному Саду Небесному [Яхьяпур, 2009, с. 30].

Основным содержанием рассказа является мистический путь духовного совершенствования, что предстает одной из важнейших тем мировой, и в особенности восточной литературы. В нем завязывается иносказательный загадочный диалог о смерти и бессмертии между вошедшими ангелами – вестниками смерти – и пророком, и по мере развития диалога истина все более утверждается в душе пророка, а в его рассуждениях обретается высшая мудрость. Ангел, сидящий в ногах пророка, – символ горькой правды, и говорит он о смертности, ангел, сидящий в головах пророка, – символ блага, он говорит о вечности. Как нам представляется, разговор ведется о «вечном» и «вещном». Диалоги между ангелами и пророком построены по принципу повторений. Постоянно воспроизводится одно ключевое слово: «думая». Ангелы искушают и испытывают пророка, но он «мудр» и не сразу отвечает на их вопросы. После речи ангелов пророк, «думая», отвечает. В Коране и в «Голестане» тоже часто и в разных формах говорится о размышлении. В стихах Корана Аллах 135 раз прямо призывает людей размышлять, а если

учесть родственные по смыслу слова и выражения, то эта цифра должна быть по меньшей мере удвоена.

Саади обогатил персидский язык остроумными изысканными крылатыми выражениями, его афористичные строки вошли в разговорную речь, стали пословицами и поговорками. Стих из «Голестана» «ибо стене предшествует основание, а речи – мысль» воспроизводит И. Бунин в рассказе «Смерть пророка». Пророк развивает философскую концепцию жизни, посвященной благим делам, ибо «Бог благ, и цель Его благая». Пророк «мудр», он одержал победу в четырех диалогах. Его ожидают два яблока, лежащие на камне, одно – символ сладости земной жизни, другое – символ вечной жизни в райском небесном саду.

Заканчивает Бунин рассказ о пророке отрывком из «Голестана» шейха Саади, в котором говорится о блаженном приближении к престолу Всевышнего, к райскому розовому саду. Он пишет:

И сказал о жрецах: «Глупцы! Рабам, страдающим от зноя, простиительно вздевать руки к солнцу и призывать его как бога. Но солнце – не бог. Бога никто не может видеть. Он непостижим. Его можно только чувствовать».

Эти строки взяты из Корана (сура Аль-Ан'ам / «Скот», стих 78).

Мысль о пути – основная и в стихотворении И. Бунина «Авраам», написанном ранее рассказа, эпиграфом которого стала шестая сура Корана (Аль-Ан'ам / «Скот»). Стихотворение написано на основе стихов 75–79 суры «Скот». В нем говорится о том, что Авраам, показывая своему народу неправильный путь познания Бога, в то же время открывает ему «правый» путь [Яхьяпур, 2020, с. 70–72]. Приведем строки этой суры:

75. И так Мы показываем Ибрахиму власть над небесами и землей, чтобы он был из имеющих уверенность.

76. И когда покрыла его ночь, он увидел звезду и сказал: «Это – Господь мой!» Когда же она закатилась, он сказал: «Не люблю я закатывающихся».

77. Когда он увидел месяц восходящим, он сказал: «Это – Господь мой!» Когда же тот зашел, он сказал: «Если Господь мой меня не ведет на прямой путь, я буду из людей заблудившихся».

78. Когда же он увидел солнце восходящим, то сказал: «Это – Господь мой, Он – большой!» Когда же оно зашло, он сказал: «О народ мой! Я непричастен к тому, что вы придаете Ему в сотоварищи».

79. Я обратил лицо свое к тому, кто сотворил небеса и землю, поклоняясь Ему чисто, и я – не из многобожников» (Кор. 6 : 75–79).

Напомним поэтическую вариацию И. Бунина на тему процитированных строк Корана:

Авраам

Коран, VI

Был Авраам в пустыне темной ночью
И увидел на небесах звезду.
«Вот мой Господь!» – воскликнул он. Но в полночь
Звезда зашла – и свет ее померк.
Был Авраам в пустыне пред рассветом
И восходящий месяц увидел.
«Вот мой Господь!» – воскликнул он. Но месяц
Померк и закатился, как звезда.
Был Авраам в пустыне ранним утром
И руки к солнцу радостно простер.
«Вот мой господь!» – воскликнул он. Но солнце
Свершило день и закатилось в ночь.
Бог правый путь поведал Аврааму...
[Бунин, 1987–1988, т. 1, с. 190].

Человек на земле имеет возможность совершить два типа путешествий: мирское и духовное. Мирское путешествие совершается ради удовольствия и удовлетворения земных желаний. Духовное путешествие – это диаграмма усилий человеческой души в борьбе с земными удовольствиями; оно безразлично к взлетам и падениям жизни, в нем человек стремится достичь долины спасения и святости, описать возникающие при этом опасности и противоречия, печали и неудачи, разочарования или надежды. Как считают мистики, путешественник, стремящийся к самоусовершенствованию, должен уничтожить в себе алчность, зависть, гнев, ярость и страсть. Изображая стремление к нравственному идеалу, Бунин в рассказе «Смерть пророка» описывает героя, побеждающего страх смерти и в конце концов обретающего бессмертие. Совершая мистический путь, герой Бунина черпает силы в Библии, Коране, «Голестане» Саади и описывающей мистический путь поэме «Беседа птиц» («Мантык-ут-тайр») шейха Аттара.

Бунин, подобно Саади, совершал мирские и духовные путешествия в надежде найти ответы на вечные общечеловеческие вопросы о смысле бытия, о назначении человека в этом мире. Это позволило странникам «обозреть Красоту Мира». Многие мистики, философы, писатели пытались ответить на упомянутые вопросы, и Бунин в рассказе «Смерть пророка» с глубоким проникновением описывает тайные цели этого пути.

В рассказе отражены живые неизгладимые впечатления странствий по Востоку. Укажем стихи из Корана, вошедшие в рассказ «Смерть пророка»:

1. «Во имя Бога милостивого, милосердного»².
2. «И сказал о жрецах: “Глупцы! Рабам, страдающим от зноя, про- стительно воздевать руки к солнцу и призывать его, как бога. Но солнце – не бог. Бога никто не может видеть. Он непостижим. Его можно только чувствовать”» (сура «Скот», стих 78).
3. «Он один. У него нет детей» (сура «Очищение веры», стихи 1, 3).
4. «Мы к человеку ближе, чем его сонная жила» (сура «Каф», стих 16).
5. «...как бы от плода с адского древа Заккум...» (сура «Стоящие в ряд», стих 62; сура «Дым», стих 43).
6. «Доколе, – сказал первый, читая суру о Великой Вести, – доколе солнце не будет согнуто, не падут с неба звезды, не сдвинутся с места горы, не будут покинуты верблюдицы, не соберутся в стаи дикие звери, не закипят моря...» (сура «Скручивание», стихи 1–6).
7. «Я Син, – сказал второй, читая суру “Отходную”. – Слава царствующему надо всем миром! Вы все возвратитесь к нему...» (сура «Йа-Син», стих 83) [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 169–175].

А вот речь Саади, взятая из «Голестана» и вошедшая в рассказ «Смерть пророка»:

1. «Но солнце не виновато, что глазам летучей мыши не дано зрения» [55. سعدي 1376، باب اول، ص.].
2. «Кто же прибегает к защите совы? Лучше мечтать о сени феникса, хотя бы феникс и не существовал в мире» [49. سعدي 1376، باب اول، ص.].
3. «Черноух следует за львом: лев знает, где добыча, а черноух питается остатками его трапезы» [76. سعدي 1376، باب اول، ص.].
4. «...ибо стене предшествует основание, а речи – мысль» [42. سعدي 1376، ديپاچه، ص.].
5. «Мускус растирают, алоэ кладут на огонь, чтобы дали они запах» [166. سعدي 1376، باب سوم، ص.].
6. «Водолаз не сорвал бы ни единой жемчужной раковины, если бы боялся задерживать дыхание, бросаясь в море» [176. سعدي 1376، باب سوم، ص.].
7. «Все зачаты в лоне истины – это родители делают из детей евреев, христиан, огнепоклонников» [52–53. سعدي 1376، باب اول، ص.].
8. «Мудрый – как слепой: он ощупывает палкой каждый камень, выбирая путь правый, он поднимает лицо кверху, тянется к единому источнику света и тепла» [42. سعدي 1376، ديپاچه، ص.].
9. «Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двурогому достигнуть Страны Мрака?» [281. سعدي 1376، باب هشتم، ص.].
10. «Ангел ветров не заботится о том, что от крыл его погаснет светильник бедной вдовы» [281. سعدي 1376، باب هشتم، ص.].
11. «Смерть не могил, и ты не Атабек-Абубекро: от нее не откупишься золотом» [39. سعدي 1376، ديپاچه، ص.].

² Каждая сура Корана (кроме суры «Ат-Тавба» / «Покаяние») начинается с бисмилля («بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ») / «Во имя Бога милостивого, милосердного».

12. «Скорбь же близких умершего страшной самой могилы» [سعدى 1376، باب سوم، ص. 163].

13. «...много его жемчужин нанизали мы рядом со своими на нитку хорошего слога!» [سعدى 1376، باب هشت، ص. 296].

14. «Шейх Саади рассказал нам о человеке, испытывавшем сладость приближения к Возлюбленному. Человек этот был погружен в созерцание; когда же очнулся он, спросили его с ласковой усмешкой: “Где же цветы из сада мечты твоей?” И человек ответил: “Я хотел набрать для друзей моих целую полу роз; но, когда я приблизился к розовому кусту, так опьянил меня аромат его, что я выпустил ее из рук» [سعدى 1376، ديباچه، ص. 30].

Целый ряд бунинских стихотворений начинается также с бисмилля («بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ»). Например, «Закон» («Во имя Бога, вечно Всеблагого!»), «Тайна» («Во имя Бога и пророка») и др.

Стихотворение «Закон» было написано поэтом на основе содержания стихов суры Корана и речи шейха Саади. Первая его строфа передает смысл и содержание стихов суры Аль-Джуму’а («пятница» / «собрание» / «день пятничной молитвы»), Ар-Ра’д («гром»), Аль-Калям («Письменная трость» / «тростниковое перо»), а вторая строфа содержит содержание рассказа 3 из главы 8 «Голестана» Саади. Сам Саади написал свой рассказ на основании стиха 5 суры Аль-Джуму’а Корана [Яхьяпур, 2020, с. 98–99]. Коран: «Те, кому было дано нести Тору, а они ее не понесли, подобны ослу, который несет книги. Скверно подобие людей, которые считали ложью знамения Аллаха! Аллах не ведет людей неправедных!» (Кор. 62 : 5).

Закон

Во имя Бога, вечно Всеблагого!
Он, давший для писания тростник,
Сказал: блюди написанное слово
И делай то, что обещал язык.
Приняв закон, прими его вериги.
Иль оттолкни – иль всей душою чти:
Не будь ослом, который носит книги
Лишь потому, что их велят нести
<Сирия. Весна 1907>
[Бунин, 1987–1988, т. 1, с. 223].

Слова Саади из «Голестана»:

Не будь ослом, который носит книги
Лишь потому, что их велят нести.

Во многих произведениях Бунина ощущается мистический ход мысли: «Выбирая в эпиграф к стихотворению “Тайна” буквы арабского алфавита “Элиф. Лам. Мим”, знал, что в коранической традиции они обладают скрытым мистическим смыслом, не могут быть переведены ни на один язык и потому лучше других не объяснить, но дать почувствовать *тайну тайн* мусульманства» [Двинятина, с. 63–64].

Бунин-христианин, верующий в Троицу, в рассказе «Смерть пророка» положительно воспринимает формулу обращения в ислам «Шахадатейн» («свидетельство»). Любой человек, пожелавший принять ислам и перейти в эту религию, должен пройти обряд «Шахадатейн», в котором заключается исповедание двух свидетельств ислама, и прочитать священную молитву:

أَشْهَدُ أَنْ لَا إِلَهَ إِلَّا اللَّهُ؛ أَشْهَدُ أَنَّ مُحَمَّدًا رَسُولُ اللَّهِ

Это свидетельство о вере в Единого Бога (Аллаха) и в посланническую миссию пророка Мохаммада (мир ему и благословение Всевышнего). В переводе на русский молитва звучит так: «Свидетельствую о том, что нет иного Бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мохаммад (мир ему и благословение Всевышнего) – посланник Аллаха». В рассказе Буниным принимается одно из двух главных свидетельств ислама: «Он один. У него нет детей», «у всех смертных должен быть единый Возлюбленный» [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 170–171].

Рассказ Бунина также начинается со слов Корана: «Во имя Бога милостивого и милосердного» («بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ»). 113 сур Корана из 114 (кроме суры Ат-Тавба / «Покаяние») начинаются этими словами. Писатель завершает рассказ отрывком из «Голестана» шейха Саади, где говорится о приближении к Возлюбленному-Всевышнему, к розовому кусту:

Шейх Саади, – да будет благословенно его имя! – шейх Саади, – много его жемчужин нанизали мы рядом со своими на нитку хорошего слога! – рассказал нам о человеке, испытавшем сладость приближения к Возлюбленному. Человек этот был погружен в созерцание; когда же очнулся он, спросили его с ласковой усмешкой: «Где же цветы из сада мечты твоей?» И человек ответил: «Я хотел набрать для друзей моих целую полу роз; но, когда я приблизился к розовому кусту, так опьянил меня аромат его, что я выпустил ее из рук» [Там же, с. 175].

В рассказе «Тень птицы» писатель прямо и откровенно признается, что находится под воздействием шейха Саади и высоко ценит восточного мудреца-мистика: «В пути со мною Тезкират Саади, усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих, шейха Саади Ширазского, да будет священна память

его!» [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 500]. В рассказе «Камень» из цикла «Тень птицы» Бунин говорит о другом свидетельстве ислама – вере в посланническую миссию пророка Мохаммада (мир ему и благословение Всевышнего) после Иисуса (мир ему). Здесь Бунин также говорит о трех мировых религиях (иудаизме, христианстве и исламе). Он верит, что после христианства пришел ислам: «После Иисуса говорит Ислам, сила Камня перешла к пророку. И прав Ислам: пророк дал “движение” Камню» [Там же, с. 555]. Речь идет о Камне Мория: «“Камень Мория, скала”, – Бунин сделал примечание, приписав от руки на полях первого тома изд. “Петрополиса”, – “Имя Скалы – Эвенгашетия, то есть в переводе: Камень Основы”. “С Камнем Мория связаны различные легенды”» [Там же, с. 665]. Бунин цитирует Коран и указывает на кораническую символику Камня Мория: «...Камень Мория, “непрестанно размахивающийся между небом и землей“, как бы смешивающий землю с небом, преходящее с вечным» [Там же].

Для Бунина важно понятие о человеке в общем смысле, значимы в первую очередь его достоинство, доброта и нравственность, а не нация или религия. Заметим, что «еврейка Сафия стала женой пророка Мохаммада (мир ему и благословение Всевышнего). В стихотворении “Магомет и Сафия” Бунин указывает на союз между божественными религиями» [Яхьяпур, 2019, с. 536–537], ищет вечную и «душевную красоту»: «Ищу я в этом мире сочетанья / Прекрасного и вечного...» [Бунин, 2014, т. 1, с. 223].

Бунин, «гражданин древнего мира», взяв лучшее из творческого наследия Востока, создал гениальные произведения, показывающие силу русского духа. Как и его предшественник А. Пушкин («молодой Саади»), Бунин был чрезвычайно восприимчив к иным национальным мирам и культурам.

Бунин ищет «тень птицы Хумай» (на фарси – Хома), о которой говорит Саади: «Нет жаждущих приюта под тенью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свете! – Он продолжает: «это легендарная птица, и тень ее приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие» [Бунин, 1987–1988, т. 3, с. 514–515]. Птица Хумай в персидской мифологии – символ счастья, блага. О ней писали многие иранские и персоязычные поэты в других странах (Фирдоуси, Асади Туси, Фаррохи Систани, Саади, Мавлана, Фахруддин Ираки, Хафиз, Хаджу Кермани, Хакани, Незами, Саиб Табризи, Мирза Абд аль-Кадир Бедиль, Аллама Мохаммад Икбал и др.).

Далекий восточный мир изображается в произведениях Бунина как духовный, светлый. Писатель стремится погрузиться в культуру Востока, приобщиться к литературным сокровищам иранской земли и преподнести человечеству плоды собственного познания. Для выражения данных смыслов Бунин использует такие образы, как «приближение к Вечному», «аромат Сада небесного».

Бунин не противопоставляет *свое* пространство *чужому*. Рисуя картины восточного мира, он сосредоточен на нравственных и исторических вопросах. Важным для писателя оказывается восприятие «чужого человека» как «своего». Бунина волнует судьба человечества, вечные и общечеловеческие вопросы смысла бытия и обретения познания «истинного Бога». Восточные произведения Бунина отражают «мир и радость» («Камень»), «мир и радость всем живущим!» («Смерть пророка»). Для него главное – «обозреть Красоту Мира» («Тень птицы»). Он искал «в этом мире сочетанья прекрасного и вечного» («Ночь»), «правый путь» («Абраам») и истину.

Список литературы

Айхенвальд Ю. И. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей : в 2 т. М. : Терра, 1998. Т. 2. С. 113–126.

Бабореко А. К. Комментарии // Бунин И. Собр. соч. : в 6 т. М. : Худож. лит., 1987–1988. Т. 3. 671 с.

Брагинский И. С. 12 миниатюр. М. : Худож. лит., 1990. 284 с.

Бунин И. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худож. лит., 1987–1988. Т. 3. Произведения 1907–1914. 671 с.

Бунин И. Стихотворения : в 2 т. СПб. : Изд-во Пушк. Дома : Вита Нова, 2014. Т. 1. 544 с.

Двинятина Т. М. Иван Бунин: жизнь и поэзия // Бунин И. Стихотворения : в 2 т. СПб. : Изд-во Пушк. Дома : Вита Нова, 2014. Т. 1. С. 5–91.

Коран / пер. И. Ю. Крачковского. [Душанбе] : Ред.-изд. отд. Таджик. республ. отд-я Сов. фонда культуры, 1990. 448 с.

Котельников В. Ближний Восток в русских литературных отражениях 1750–1850 гг. // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Т. 8. 2020. № 1. С. 11–33. DOI 10.29252/iarll.15.11.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина : Беседы с памятью. М. : Вагриус, 2007. 512 с.

Яхьяпур М. Анализ рассказа «Смерть пророка» И. Бунина в аудитории Тегеранского университета // Текст и контекст. Лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : XI Виноградовские чтения. М. : МГПУ, 2009. С. 28–32.

Яхьяпур М. Трудности перевода поэзии Ивана Бунина на персидский язык // Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М. : Литфакт, 2019. С. 532–539.

Яхьяпур М. Иван Бунин и мир Востока. 4-е изд. Тегеран : Изд-во Тегеран. ун-та, 2020. 228 с. (на рус. и фарси.)

Barzegar Khaleghi M.-R. شاخ نبات حافظ [Shakh-e Nabat of Hafez]. Tehran : Zavvar. 2005. 1146 p. (In Persian.)

برزگر خالقی، م. - ر. شاخ نبات حافظ. ۴۸۳۱. تهران : زوار.

Saadi M. گلستان [Golestān]. Tehran : Qadyani, 1998. 297 p. (In Persian.)

سعدی، م. گلستان. ۶۷۳۱. تهران : قدیانی.

Saadi M. کلیات [Generalities]. Tehran : Hermes, 2007. 1406 p. (In Persian.)

سعدی، م. کلیات. ۵۸۳۱. تهران : هرمس.

Saliba J. فرهنگ فلسفی [Philosophical Culture] / transl. by M. Sanei Darreh Bidi. Tehran : Hekmat, 2014. 468 p. (In Persian.)

صلیبیا، جمیل. فرهنگ فلسفی. ترجمه منوچهر صانعی دره بیدی. ۳۹۳۱. تهران : حکمت.

References

Aikhenva'l'd, Yu. I. (1998). Ivan Bunin [Ivan Bunin]. In Aikhenva'l'd, Yu. I. *Silueti russkikh pisatelei v 2 t.* Moscow, Terra. Vol. 2, pp. 113–126.

- Baboreko, A. K. (1987). Kommentarii [Comments]. In Bunin, I. *Sobranie sochinenii v 6 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. 671 p.
- Barzegar Khaleghi, M.-R. (2005). شاخ نبات حافظ [Shakh-e Nabat of Hafez]. Tehran, Zavvar. 1146 p. (In Persian.)
- Braginskii, I. S. (1990). *12 miniatyur* [12 Miniatures]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 284 p.
- Bunin, I. (1987–1988). *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works. 6 Vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 3. Proizvedeniya 1907–1914. 671 p.
- Bunin, I. (2014). *Stikhotvoreniya v 2 t.* [Poems. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova. Vol. 1. 544 p.
- Dvinyatina, T. M. (2014). Ivan Bunin: zhizn' i poeziya [Ivan Bunin: Life and Poetry]. In Bunin, I. *Stikhotvoreniya v 2 t.* St Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova. Vol. 1, pp. 5–91.
- Koran* [Quran] / transl. by I. Yu. Krachkovsky. (1990). [Dushanbe], Redaktsionno-izdatel'skii otdel Tadzhikskogo respublikanskogo otdeleniya Sovetskogo fonda kul'tury. 448 p.
- Kotel'nikov, V. (2020). Blizhnii Vostok v russkikh literaturnykh otrazheniyakh 1750–1850 gg. [The Near East in Russian Literary Reflections, 1750–1850]. In *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*. Vol. 8. No. 1, pp. 11–33. DOI 10.29252/iarll.15.11.
- Muromtseva-Bunina, V. N. (2007). *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu* [Bunin's Life. Conversations with Memory]. Moscow, Vagrius. 512 p.
- Saadi, M. (2007). کلیات [Generalities]. Tehran, Hermes. 1406 p. (In Persian.)
- Saadi, M., (1998). گولستان [Golestān]. Tehran, Qadyani. 297 p. (In Persian.)
- Saliba, J. (2014). فرهنگ فلسفی [Philosophical Culture] / transl. by M. Sanei Darreh Bidi. Tehran, Hekmat. 468 p. (In Persian.)
- Yahyapour, M. (2009). Analiz rasskaza “Smert' proroka” I. Bunina v auditorii Tegeranskogo universiteta [Analysis of I. Bunin's Short Story *The Death of the Prophet* in a Lecture Hall of the University of Tehran]. In *Tekst i kontekst. Lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty. XI Vinogradovskie chteniya*. Moscow, Moskovskii gorodskoi universitet, pp. 28–32.
- Yahyapour, M. (2018). Trudnosti perevoda poezii Ivana Bunina na persidskii yazyk [The Difficulties in Translating the Poetry of Ivan Bunin into Persian]. In Korostelev, O. A., Morozov, S. N. (Eds.). *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)*. Moscow, Litfakt, pp. 532–539.
- Yahyapour, M. (2020). *Ivan Bunin i mir Vostoka* [Ivan Bunin and the Orient]. 4th Ed. Tegeran, Izdatel'stvo Tegeranskogo universiteta. 228 p. (In Russian and Persian.)

The article was submitted on 15.12.2020